
ПРОВАЛ ОПЕРАЦИИ «ТАЙФУН»

А.А. Ахтамзян

Кафедра истории и политики стран Европы и Америки

МГИМО (У) МИД России

пр. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

На основе целого ряда исторических источников, воспоминаний как советских, так и германских военачальников и политических деятелей, автор воспроизводит хронику событий 1941 г., когда начала реализовываться операция фашистской Германии под кодовым названием «Тайфун», в советских источниках известная как «Московская битва». В октябре 1941 г. войска вермахта создали непосредственную угрозу Москве. Однако переброска к Москве «сибирских» дивизий, сложенная работа на фронте и в тылу сорвали планы гитлеровских агрессоров. Уже 8 декабря 1941 г. Гитлер издал директиву под номером 39 о переходе к обороне на всем Восточном фронте.

Начиная с поражения под Москвой немецкие генералы на фронте начали сомневаться в правильности оценки военного потенциала Советского Союза. Первое крупное контрнаступление Красной Армии имело не только военное, но и морально-политическое значение.

Разгром десятков дивизий вермахта под Москвой имел резонанс во всем мире. Одним из важных последствий победы Красной Армии под Москвой было оформление союзных отношений Советского Союза с Великобританией и достижение соглашения с США, соглашения о принципах, применимых к совместной борьбе против Германии.

Ключевые слова: СССР, Германия, операция «Тайфун», «Московская битва», «План Барбаросса», А. Гитлер, И.В. Сталин.

В истории не только Великой Отечественной войны, но и Второй мировой войны в целом оборона Москвы и начавшееся с нее контрнаступление Красной Армии против германского вермахта занимает особое место. Для определения места и значения сражения за Москву на первом этапе Великой Отечественной войны важно определить временные рамки этого сражения. Одни исследователи считают, что битва за Москву началась с момента нападения германского вермахта на нашу страну, поскольку стратегические планы Германии предусматривали захват Москвы, Ленинграда, Киева и продвижение до линии Архангельск—Астрахань. Другие склонны считать началом сражения за Москву введение в действие германского плана «Тайфун». Имеются разночтения в определении завершения этапа сражения за Москву: Ржевско-Вяземская операция (2—31 марта 1942 г.) или 20 апреля 1942 г. Полагаю, что наиболее точно определил рамки Московского сражения маршал Г.К. Жуков, один из главных руководителей обороны Москвы. Это две даты: 30 сентября 1941 г. и 20 апреля 1942 г. Первая дата — это начало германского наступления с целью захвата Москвы, вторая дата — завершение ржевско-вяземской операции (8 января — 20 апреля 1942 г.).

По сведениям военных исследователей, к октябрю 1941 г. соотношение сил на советско-германском фронте сложилось в пользу агрессора: общая численность сухопутных сил вермахта на восточном фронте достигала 4 млн 300 тыс. человек против 3 млн 245 тыс. человек в действующей Красной Армии. Вермахт имел на фронте 2270 танков против 2715 (в том числе средних и тяжелых танков было

всего 726), артиллерийских орудий более 43 тысяч против 20, 6 тыс., более 3000 самолетов против 1460 с советской стороны [5. С. 139]. Следует иметь в виду, что значительное количество техники Советская армия потеряла в ходе вынужденного отступления.

На Германию в это время работала индустрия десятка союзных с ней и оккупированных стран Европы. У России имелся в этот момент (кроме союзных республик) один надежный союзник — Монгольская республика, которая поставляла не только мясо, но и овчинные полушубки, лошадей для кавалерии и артиллерии.

Еще 6-го сентября германское командование издало директиву о наступлении на Москву через Брянск и Смоленск. Командование группы армий «Центр» подготовило к 16 сентября директиву о проведении наступательной операции под претенциозным названием «Тайфун», которая должна начаться не позже первых чисел октября. План предусматривал прорыв обороны противника по обе стороны дороги Рославль—Москва. Предусмотрен был возможный поворот наступления на Вязьму, а также на Ржев. Задачи армий и соединений в приказе расписаны весьма обстоятельно [3. С. 327—329].

В конце сентября вермахт захватил Киев. Фельдмаршал Ф. фон Бок вместе с фельдмаршалами В. фон Брухичем и А. Кессельрингом убедили Гитлера развернуть наступление на Москву, чтобы взять ее еще до зимних холодов. Утром 30 сентября Ф. фон Бок отдал приказ начать наступление на двух направлениях: на Брянск и на Вязьму.

Ставка делалась на быстрое продвижение танковых армий и окружение крупных группировок советских войск. Западные историки склонны считать операции по окружению под руководством Ф. фон Бока самыми хорошо продуманными операциями «за всю военную историю» [2. С. 212]. Перед развертыванием наступления на Москву германское командование перебросило 10 дивизий с других направлений, а также из резерва. Ударные силы (три полевые армии плюс три танковые группы) имели более 14 тысяч орудий, 1700 танков, поддержку примерно 1400 самолетов [5. С. 140]. В целом ударные силы группировки «Центр» составляли, по оптимальным оценкам, 75 дивизий численностью до 1 млн 800 тысяч человек.

Командующий группой армий «Центр» Федор фон Бок вел ежедневные записи относительно положения на центральном направлении. В первой декаде сентября он зафиксировал такое соотношение германских дивизий на трех основных направлениях восточного фронта: «Юг» — 77 дивизий против 47 советских дивизий, «Север» — 31 дивизия против 25 советских, «Центр» — 55 дивизий против 86 советских дивизий. Советское командование подтягивало силы для обороны Москвы с других фронтов, не оголяя, однако, фланги. Но основная ставка делалась на переброску свежих сил, формируемых в тылу с задачей ведения боевых действий в зимних условиях.

В октябре 1941 г. агрессор по плану под кодовым названием «Тайфун» создал непосредственную угрозу Москве. Германское командование сосредоточило на направлении «Центр» под командованием фельдмаршала фон Бока войска численностью 1,8 млн человек. В общей сложности они составляли 57 дивизий. Ко-

мандование сухопутных сил группы армий дает 12 октября указание о «порядке захвата Москвы и обращении с ее населением». Документ начинался словами: «Фюрер вновь решил, что капитуляция Москвы не должна быть принята, даже если она будет предложена противником». Достаточным «моральным обоснованием» германские генералы считали объявленную решимость советских людей сражаться с врагом до последней капли крови. Фюрер опасался, что коварные большевики заминируют город, что возможна эпидемия. Поэтому в отношении Москвы гитлеровский план предусматривал окружение и блокаду города, затопление города и уничтожение жителей. Для этого «следует как можно скорее отрезать город от коммуникаций, связывающих его с внешним миром» [3. С. 337].

«Наступление немецких войск по плану операции под кодовым названием „Тайфун“ началось 30 сентября ударом танковой группы Гудериана и 2-й немецкой армии по войскам Брянского фронта на участке Жуковка-Шостка», — записал маршал Г.К. Жуков. Верховный главнокомандующий И.В. Сталин реагировал немедленно на изменение стратегической ситуации. По указанию Ставки создан 1-й гвардейский корпус под командованием Д.Д. Лелюшенко с целью задержать наступление немцев и обеспечить отвод войск Брянского фронта.

Однако 3 октября немецкие танки вошли в г. Орел, глубоко вклинившись в территорию нашей страны. По свидетельству лиц из ближайшего окружения верховного главнокомандующего, этот факт сильно взволновал И.В. Сталина. По телефону он гневно отчитал И.С. Конева. Он приказывает докладывать об обстановке каждые два часа, а если надо, то чаще... В одном из телефонных разговоров прозвучала фраза: «Надо с ума сойти, чтобы проворонить... Шляпа!» [7. С. 292].

На подступах к Москве германскому вторжению противостояли армии Западного фронта под командованием генерал-полковника И.С. Конева, Брянского фронта во главе с генерал-полковником А.И. Еременко, войска резервной оперативной группы А.Н. Ермакова, а также Резервного фронта во главе с маршалом С.М. Буденным. Общая протяженность трех фронтов составляла примерно 800 километров, а общая численность войск — 1 млн 50 тысяч человек. Преимущество в соотношении сил в тот момент было на стороне противника примерно в полтора-два раза.

В октябре 1941 г. Москва оказалась в критическом положении. Германские войска продвинулись к западу и северу от Москвы до деревни Крюково (41 километр Ленинградского шоссе), до г. Калинина (Твери) и до Дмитрова, до канала к реке Москве, на юго-востоке до Подольска, на юго-западе до Наро-Фоминска. Ближе всего к городу оказались отдельные подразделения вермахта в районе Фили. Немецкие офицеры бахвалились тем, что они в бинокль видели Красную площадь. Нацисты планировали парад своих войск у стен Кремля.

Однако из-за осенней распутицы дальнейшее германское наступление оказалось проблематичным. Германское командование, а вслед за ним и западные историки ссылаются на то, что немецкая техника сначала увязла в грязи, а потом отказала из-за мороза. В тот момент нацистские стратеги обратились к своему фю-

реру с предложением приостановить продвижение вглубь территории Советского Союза: «Лееб и Рундштедт настаивали на том, чтобы отменить наступление, и Гитлер, судя по всему, склонялся к тому же мнению, не разделяя планов Бока, Последний, при поддержке Браухича и Гальдера, настаивал на том, чтобы возобновить наступление. Под их давлением Гитлер был вынужден отдать приказ о финальном наступлении, назначив его на 15 ноября» [2. С. 215].

Критическим днем для москвичей было 16 октября, когда эвакуация мирных жителей не только по железной дороге, но и по шоссе стала очевидной. Из Москвы в Куйбышев (Самару) выехали правительственные учреждения. Изустная легенда повествует, что на Казанский вокзал выехал и лично И.В. Сталин. Он якобы долго ходил по перрону, выкуривая одну за другой папиросы. Все ожидали команды к отправлению эшелона, пока вождь не ушел с платформы и вернулся в Кремль, чтобы оставаться там до полной победы над врагом. Документальных подтверждений этого мне не доводилось видеть. Однако в каждой легенде есть доля правды. А она состоит в том, что И.В. Сталин в течение всей войны оставался в Москве или в пригороде «на даче» в Филях.

В ноябре 1941 г. на Западном фронте нарастала напряженность. В этой тревожной обстановке большое политическое значение имело проведение вечером 6 ноября торжественного заседания с участием И.В. Сталина на станции метрополитена «Маяковская». Уезжая после собрания, И. Сталин пригласил некоторых участников заседания прийти утром рано на Красную площадь, чтобы приветствовать участников военного парада. Проведение парада уходящих на фронт войск на Красной площади в Москве имело огромное значение для укрепления морального духа фронтовиков.

Еще в начале ноября главнокомандующий дал указание Г.К. Жукову начать подготовку контрудара по германским войскам, обложившим город полукругом от г. Калинина до подступов к г. Тула. 10 ноября И. Сталин вызвал Г.К. Жукова вместе с командиром корпуса генералом И.А. Беловым в Кремль, где встретил их в подземном помещении. Выслушав доклад генерала армии, И. Сталин выразил свое одобрение и обещал подкрепление кавалерийским корпусом и танковой дивизией.

Тем временем германское командование готовилось к решающему сражению с целью захвата Москвы до наступления настоящей зимы. В середине ноября в штаб группы армий «Центр» в г. Орша прибыл начальник генерального штаба Ф. Гальдер. Туда же были вызваны начальники штабов группировок «Север» и «Юг», которые довольно сдержанно доложили, что без пополнения сил на их направлениях дальнейшее продвижение невозможно. Генерал Ф. Гальдер, имевший в папке одобренную в Берлине директиву, предоставил слово начальнику штаба группы армий «Центр» генералу Грейфенбергу, который бодро заявил: «Фельдмаршал Бок считает, что в военном и психологическом отношениях необходимо взять Москву. Опасность, что мы этого не сможем сделать, должна быть принята во внимание, но будет еще хуже, если мы останемся лежать в снегу на открытой местности в пятидесяти километрах от манящей цели» [4. С. 284—285].

В итоге этого совещания германским генералам стало ясно, что поставлена цель — взять Москву, что стратегическая цель — продвижение до линии Вологда—Горький—Саратов—Сталинград—Майкоп если не отменяется, то отодвигается.

После совещания Ф. Гальдер ознакомил командующего группой армий «Центр» Ф. Бока с приказом фюрера, согласно которому танковая армия Гудериана захватывает г. Тулу и наносит удар на юго-востоке от Москвы в направлении на Коломну с целью двигаться на г. Горький (Нижний Новгород). Одновременно армия Штрауса и группа Рейнхардта развертывают наступление на северо-западе: от Торжка и Калинина в восточном направлении с целью перерезать канал Москва—Волга и нанести удар по Москве с северо-востока. В центре Западного фронта фронтальное наступление должна была развернуть 4-я армия под командованием Клюге и танковая армия под командованием Гепнера. Дату перехода в наступление должен был определить сам Ф. Бок. Таким образом, германский план захвата Москвы имел вполне определенные очертания.

Однако план Г.К. Жукова был не менее конкретен, но более реалистичен. Он строился на верной оценке сил противника (противник «выдохся») и на расчете Ставки подтянуть к обороне Москвы «сибирские» дивизии. Риск от переброски дальневосточных дивизий на запад был, конечно, велик, но смертельная опасность, нависшая не только над столицей, но и над страной, была неизмеримо большей.

Определенное значение имело для принятия решения и сообщение из Токио легендарного разведчика Рихарда Зорге относительно стратегических намерений японского правительства. В критический для Советского государства момент Япония предпочла воздержаться от нападения на Россию и таким образом от поддержки своего идеологического союзника в Европе. Очевидно, японские стратеги лучше знали, что такое русская зима.

Первый удар был нанесен противнику 5 декабря на Калининском фронте, которым командовал И.С. Конев. На следующий день после мощной артиллерийской и авиационной подготовки начали боевые действия войска Западного фронта, затем начала наступление ударная армия Юго-Западного фронта.

Ценным источником информации о том, как оценивало обстановку германское командование, является «Дневник» Ф. Бока, командующего группой армий «Центр». Еще 2 декабря он записал: «2-я армия (Гудериан) перешла в наступление и на первом этапе добивается внушительных успехов. Наступающие войска довольно слабы, ради наступления пришлось довольствоваться слабыми силами как восточного, так и северного флангов. Одна из дивизий 20-го корпуса 4-й армии (Клюге) сумела глубоко вклиниться в оборону врага южнее автостреды, однако не сможет там удержаться — во время своего наступления тыловые части упомянутой дивизии были окружены неприятелем, и вызволить их удастся не раньше завтрашнего утра» [8. С. 385—386]. На следующий день Клюге ставит в известность командующего, что отдал приказ отвести наступающие части у Троицко-го. В тот же день в дневнике появляется лаконичная запись: «У южного крыла 3-й танковой группы (Рейнхардт) под Дмитровом и Яхромой неприятель, подтя-

нув подкрепление, переходит в наступление» [8. С. 388]. Командующий 4-й танковой группы Гепнер настойчиво просит поддержки. В записях фон Бока появляется мотив: войска не могут наступать. А после 6-го декабря появляется понятие «кризис». 7 декабря Ф. Бок доложил командующему германскими войсками Браухичу, что русские развернули наступление на нескольких участках фронта: против танковой группы Гудериана под Тулой, против группы Рейнхарда у Клина и против армии Штрауса в районе Калинина. Самое главное в донесении Бока, — что он не в состоянии сдержать крупное наступление советских войск. Бок просит разрешения Берлина перейти к обороне. Однако Гитлер отдает распоряжения непосредственно командующим группами армий: держаться на занятых рубежах.

Начальник генерального штаба, находясь в Берлине, конечно, хорошо представлял себе масштабы предстоявшей катастрофы. 7 декабря он написал в своем дневнике: «События этого дня опять ужасающи и постыдны. Главком превратился в простого письмоносца. Фюрер, не замечая его, сам сносится с командующими группами армий. Самым ужасным является то, что ОКВ не понимает состояния наших войск и занимается латанием дыр, вместо того, чтобы принимать стратегические решения. Одним из решений такого рода должен быть приказ на отход войск группы армий „Центр“ на рубеж Руза, Осташков» [6. С. 507].

Однако по настоянию Браухича и Гальдера 8 декабря Гитлер разрешил издать директиву под номером 39 о переходе к обороне на всем Восточном фронте. «Директива ОКВ № 39» в первом абзаце введения сообщает командующим группами армий на Восточном фронте версию перехода к обороне: «Преждевременное наступление холодной зимы на восточном фронте и возникшие в связи с этим затруднения в подвозе снабжения вынуждают немедленно прекратить все крупные наступательные операции и перейти к обороне» [3. С. 340].

Началом наступательной операции под Москвой принято считать 5 и 6 декабря 1941 г. В немецких источниках отмечены «попытки» советских войск перейти в контрнаступление, датированные 4-м декабря. Это не означает, что на фронтах до того было полное затишье. Серьезные бои происходили на разных участках фронта. На Южном направлении 28 ноября войскам под командованием Тимошенко был отдан приказ освободить г. Ростов. Задание было выполнено в кратчайший срок. Армия генерала Клейста отступила, что вызвало у Гитлера приступ ярости.

Особенно опасными были атаки германских танковых групп под Москвой. В историю обороны Москвы вписаны эпизоды самоотверженной борьбы советских воинов против танков не только Гудериана, но и Гепнера. Бессмертный подвиг совершили воины дивизии генерала Панфилова в районе разъезда Дубосеково 16 ноября. Именно здесь родилась крылатая фраза, ставшая боевым лозунгом. Обращаясь к воинам, политрук роты В. Клочков сказал: «Велика Россия, а отступать некуда: позади Москва!» [9. С. 322—323, 334—335]. Попытка некоторых публицистов нынче принизить значение подвига панфиловцев выглядят кощунственно. Разумеется, отдельные бои и эпизоды не предопределяли исход грандиозного сражения. В сражении участвовали миллионы солдат и офицеров. Массо-

вый героизм и стойкость воинов и умелое руководство гигантской армией были главным фактором победы в битве за Москву.

Контрнаступление советских войск началось на Калининском участке фронта 6 декабря.

Было бы наивным представлять дело так, что с возгласом «Ура!» солдаты пошли в атаку и гнали врага до его логова. Бои под Москвой в декабре—январе были упорными и долгими. На участке фронта в районе Дмитрова советские войска пошли в наступление 11—13 декабря. В результате ожесточенных боев советским войскам удалось освободить 13 декабря г. Клин, а 16 декабря — г. Калинин. Лишь 30 декабря удалось освободить Калугу. В течение января удалось преодолеть выступ германского фронта между Калининским и Клином и отбросить противника от Волги. К 30 января 1942 г. был выровнен в известном смысле фронт от Верхней Волги до реки Москва. Еще два месяца, до самой весенней распутицы, продолжались бои в сложных условиях зимы на подступах к Москве.

Как только в Лондон пришла весть о начале наступления советских войск под Москвой, в британских правящих кругах появилось желание узнать об этом побольше на месте событий. В Москву по поручению премьер-министра Уинстона Черчилля прибыл министр иностранных дел, глава разведывательной службы Британии Энтони Иден. Его сокровенным желанием было увидеть своими глазами хотя бы одного убитого немца. И.В. Сталин распорядился, чтобы визитера сопровождал в поездке к линии фронта не дипломат, а один из высших офицеров. Выбор пал на генерал-лейтенанта П.А. Ермолина. Позже генерал П.А. Ермолин рассказал, как И.В. Сталин напутствовал своего подчиненного: «Надо показать англичанам результаты разгрома немцев под Москвой. Будете сопровождать Идена в поездке до Волоколамска. Но помните: он не только министр иностранных дел, но и руководитель английской секретной службы. В беседах с ним будьте крайне осторожны. Больше смотрите на выражение его лица» [10]. Замысел И.В. Сталина был прост: выполнить психологический эксперимент, чтобы склонить англичан к серьезным переговорам о союзном договоре.

По просьбе гостя его повезли под охраной на нескольких машинах к линии Калининского фронта по Волоколамскому шоссе. Близ г. Клин вдоль дороги ему предстала невиданная в Европе картина разбитой германской техники и застывшие трупы немцев. Ничего подобного в Западной Европе видеть не приходилось. Тем не менее на предложение заключить наконец союзный договор, откликнуться на призыв И.В. Сталина от 18 июля 1941 г. открыть Второй фронт в Европе министр реагировал сдержанно. Великобритания не хотела признать довоенные границы Советского Союза из-за присоединения к нему Прибалтийских республик. Британский премьер У. Черчилль собирался с силами, чтобы вести войну с Германией вплоть до... последнего русского солдата. В США в тот момент еще преобладала точка зрения, которую тогдашний сенатор Г. Трумэн выразил цинично: пусть русские и немцы как можно больше убивают друг друга.

Во время поездки Э. Иден задал генералу вопрос: каковы потери немцев? Генерал, что называется, не моргнув глазом, отвечал: «около пятисот тысяч». Если генерал имел в виду потери германских войск непосредственно под Москвой, то это была завышенная цифра. А если он имел в виду общие потери с на-

чала войны, то это была заниженная цифра. Впрочем, общие потери германской армии к этому моменту он мог и не знать, точнее не мог знать. Генерал сделал тонкое наблюдение о реакции англичанина: «Рот его приоткрылся, подбородок опустился вниз». Иначе говоря: англичанин разинул рот. После доклада П.А. Ермолина И.В. Сталин «с удовлетворением в голосе» сказал: «теперь англичане на переговорах с нами будут более сговорчивыми». Однако на деле, хотя до сговорчивости англичан было еще далеко, поворот не только на фронте, но и в сознании европейцев должен был произойти перелом: «непобедимый» нацистский вермахт потерпел первое серьезное поражение.

Ну а как была воспринята в самой Германии весть о начавшемся контрнаступлении Красной армии под Москвой и о переходе германских войск к обороне? Нельзя сказать, что события на Восточном фронте тотчас повергли немцев в шоковое состояние. После некоторого замешательства главный шеф пропаганды пресловутый Й. Геббельс решил вернуть обывателя в состояние шока, используя версию неожиданной суровой русской зимы, развернув кампанию по сбору теплых вещей для армии под лозунгом: «Сдавайте теплую одежду!» Признавая, что тыловая служба вермахта не обеспечила солдат зимней одеждой, Й. Геббельс 21 декабря, за день — два до рождества, призвал немцев создать «фронт» по спасению немецких солдат: «Но наш фронт в тылу поможет спасти своих отцов и сыновей от жестокой зимы. Если у вас дома есть какие-то теплые вещи, отправьте их на фронт» [11. С. 296].

Перечень вещей, которые помогут избежать катастрофы, вызвал в западной прессе, особенно в британской, можно сказать сардонический отклик. В списке вещей были названы не только шерстяные носки и свитеры, теплые белье и шапки, рукавицы, но и наушники и наколенники. Не были названы, но оказались в массе сданных вещей, а их общее число достигло 67 миллионов единиц, даже дамские шубы и дамское белье. Цель яркого нациста — повергнуть в шок немцев, чтобы избежать катастрофы (именно это выражение было пущено в ход), была достигнута.

Разумеется, серьезнее поняли причины и следствия перехода к обороне германские военачальники. Германское командование понимало, что молниеносная война не состоялась, что предстоит долговременная «кампания» с неопределенным окончанием. Однако высшее политическое руководство не считало утраченной стратегическую инициативу, полагая, что перестановки в командном звене и перегруппировка еще имеющихся сил позволят сокрушить Советский Союз и договориться с западными державами о разделе жизненного пространства. Рейхсканцлер Адольф Гитлер легко возложил ответственность за провал «Плана Барбаросса» и операции «Тайфун» на неумелых исполнителей, прежде всего на фельдмаршала фон Бока, начальника генштаба генерала Франца Гальдера, на командующего сухопутными силами Браухича, чтобы взять в свои руки безраздельно командование вермахтом.

Именно в результате поражения под Москвой в правящих кругах Германии появились признаки «прозрения» не только в военной среде, но и в высших сферах государства, особенно после объявления А. Гитлером войны Соединенным Штатам из-за нарушения ими статуса нейтралитета. Одним из первых мысль о целесообразности вступить в переговоры о мире высказал Гальдеру генерал Фромм.

Министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп, отстраненный после нападения Германии на Советский Союз от восточной политики, пытался уговорить А. Гитлера дипломатическими методами умиротворить европейские страны, в том числе и оккупированные. Он поддержал версию А. Гитлера о «преждевременной зиме» как причине катастрофы под Москвой, но он же одним из первых в правящих кругах сделал вывод о необходимости искать пути к миру. В своих записках, опубликованных после его казни по приговору Нюрнбергского трибунала, мы находим такие строки: «После вызванной погодными условиями катастрофы зимой 1941—1942 г., в результате которой наша армия, как известно, застряла перед Москвой и весь Восточный фронт зашатался, я по случаю новогоднего поздравления на рубеже 1941—1942 гг. впервые заговорил с фюрером о возможности заключения мира с Россией. На это Гитлер ответил мне всего лишь, что такой мир он не считает возможным, на Востоке речь может идти только о несомненном решении хода войны в нашу пользу» [12. С. 262—263].

Начиная с поражения под Москвой генералы на фронте начали сомневаться в правильности оценки военного потенциала Советского Союза в генеральном штабе Германии. Перед нападением на СССР Гитлер игнорировал мнение посла В. Шуленбурга и военного атташе в Москве Э. Кёстринга и положился на впечатления, которые получил полковник Кребс, побывав на параде Красной Армии в Москве 1 мая 1941 г. Военная разведка имела достаточно много агентов, особенно в западных районах СССР. Однако правильно оценить военный и экономический потенциал страны накануне Второй мировой войны германский генштаб не сумел. Это относится и к первому этапу войны на Восточном фронте в части, касающейся мобилизационной способности РККА. Недооценка боеспособности Красной Армии была одной из причин просчетов германского командования.

Разгром десятков дивизий вермахта под Москвой имел резонанс во всем мире. Президент США Ф.Д. Рузвельт в послании И.В. Сталину 16 декабря 1941 г. сообщил, что в Америке наблюдается «всеобщий подлинный энтузиазм» по поводу успехов великой нации в войне против нацизма.

После войны некоторые германские генералы признали, что поворот в войне наметился именно под Москвой зимой 1941—1942 г. Например, генерал Г. Блюментрит отметил в своих воспоминаниях: «Кампания в России, а особенно ее поворотный пункт — Московская битва, нанесла первый сильнейший удар как в политическом, так и в военном отношениях» [13].

Первое крупное контрнаступление Красной Армии имело не только военное, но и морально-политическое значение. Победа вдохновила и фронтовиков, и тружеников тыла на продолжение самоотверженной борьбы за освобождение страны от оккупантов.

Одним из важных последствий победы Красной армии под Москвой было оформление союзных отношений Советского Союза с Великобританией и достижение соглашения с США, соглашения о принципах, применимых к совместной борьбе против Германии. Произошло это в итоге полета В.М. Молотова над Балтикой в Англию и в США в мае—июне 1942 г. В результате миссии Молотова появилась надежда на открытие Второго фронта в Западной Европе. Однако западные союзники не торопились с высадкой большого десанта на континенте. Для подго-

товки такой операции им потребовалось два года. Мотив затягивания высадки был весьма неубедительным: сами разговоры о Втором фронте уже полезны для Советского Союза. Однако гитлеровское командование строило свои стратегические планы без всякой оглядки на эту эвентуальность. Летом 1942 г. германская армия начала наступление на Сталинград.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ахтамзян И.А. Нацистский генеральный план «Ост». Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход: Документальные очерки / сост. А.А. Ахтамзян. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. МГИМО-Университет, 2010. С. 249.
- [2] Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1998.
- [3] Дашичев В.И. Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе. М., 2005. Т. 3.
- [4] Анфилов В.А. Бессмертный подвиг. Исследование кануна и первого этапа Великой Отечественной войны. М., 1971.
- [5] Вторая мировая война. М., 1985.
- [6] Гальдер Ф. От Бреста до Сталинграда: Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1941—1942 гг. Смоленск, 2001.
- [7] Емельянов Ю. Сталин — Генералиссимус Великой Победы. М., 2008.
- [8] Фон Бок. Дневники 1939—1945. Смоленск, 2006.
- [9] Анфилов В.А. Незабываемый Сорок первый. М., 1982.
- [10] Жухрай В.М. Роковой просчет Гитлера. М., 2000.
- [11] Рисс К. Адвокат дьявола Геббельс. М., 2000. С. 296.
- [12] Риббентроп И. Мемуары нацистского дипломата. М., 1998. С. 262—263.
- [13] Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 185; Роковые решения. М., 1958. С. 108.

FAILURE OF THE «TYPHOON» OPERATION

A.A. Akhtamzyan

Department of History and Politics of Europe and America
Moscow State Institute of International Relations (University)
MFA of Russia

Vernadskogo av., 76, Moscow, Russia, 119454

On the basis of a number of historical sources, memories of both Soviet and German military commanders and politicians, the author plays chronicling the events of 1941, when the operation «Typhoon» was launched by Nazi Germany (known as the Battle of Moscow in Soviet sources). In October 1941, the Wehrmacht troops have created a direct threat to Moscow. However, transfer to Moscow of «Siberian» divisions, coordinated work on the front and rear foiled the plans of the Nazi aggressors. Already on Dec. 8, 1941, Hitler issued a directive № 39 on the transition to defense on the Eastern Front.

Starting from the defeat at Moscow German generals at the front began to doubt the correctness of the assessment of the military potential of the Soviet Union. The first major offensive of the Red Army had not only military but also moral and political significance.

The defeat of the Wehrmacht divisions tens of Moscow had resonance throughout the world. One of the important consequences of the victory of the Red Army near Moscow was proclamation of allied relations between the Soviet Union and Great Britain and reach an agreement with the United States on the principles applicable to the common struggle against Germany.

Key words: USSR, Germany, the operation «Typhoon», Battle of Moscow, «Plan Barbarossa», A. Hitler, I.V. Stalin.

REFERENCES

- [1] Akhtamzyan I.A. Nazi master plan «Ost». The Great Patriotic War: the origins, major events, the outcome of essays: Documentary / comp. AA Akhtamzyan. Mosk. state. Inst Int. Relations (University) MFA of Russia. MGIMO-University, 2010. P. 249.
- [2] Mitch S. Field Marshal Hitler and their battle. Smolensk, 1998.
- [3] Dashichev V.I. Hitler's strategy. A recipe for disaster. M., 2005. Vol. 3.
- [4] Anfilov V.A. Immortal feat. The study's Eve and the first phase of the Great Patriotic War. M., 1971.
- [5] The Second World War. M., 1985.
- [6] Halder F. From Brest to Stalingrad: War Diary. Daily records Chief of the General Staff of the Army of 1941—1942. Smolensk, 2001.
- [7] Emelyanov J. Stalin — Generalissimo of the Great Victory. Moscow, 2008.
- [8] Von Bock. Diaries 1939—1945. Smolensk, 2006.
- [9] Anfilov V.A. Forty unforgettable first. M., 1982.
- [10] Zhukhrai V.M. Fatal miscalculation of Hitler. M., 2000.
- [11] Riess K. Devil's Advocate Goebbels. M., 2000. C. 296.
- [12] Ribbentrop I. Memoirs Nazi diplomat. M., 1998. C. 262—263.
- [13] The Soviet Union during the Great Patriotic War. M., 1985. C. 185; Fateful decisions. M., 1958. C. 108.